

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Среди многих знаменитостей и достопримечательностей старинного и славного своей историей и людьми села Сумпосад Беломорского района есть замечательная личность — краевед, собиратель севернорусского фольклора Иван Матвеевич ДУРОВ.

Рыцарь культуры из Сумпосада

В течение ряда лет выстраивая, заново воссоздаю жизнь и судьбу этого удивительного человека из глубинки, чья подвигическая деятельность в изучении северного края оказалась необычайно значительной и важной. В поле моего зрения прежде всего материалы двух архивов, публикации самого Дурова и все написанное о нем, беседы с разными людьми, переписка и личная встреча с дочерью Л.И. Носиковой, ныне жительницей Ростовской области.

Иван Матвеевич родился 12 июня 1894 года в селе Сумпосад в старообрядческой семье помора, капитана небольшого промыслового судна. Родители — Анна Семеновна и Матвей Александрович Дуровы — были людьми грамотными, трудолюбивыми и безбедными. В их добротном, ухоженном доме, как пишет дочь, «была хорошая мебель, письменный стол, на котором всегда было много бумаг, множество старинных книг и икон в каждой комнате, музыкальные инструменты — скрипка, балалайка и мандолина». Вероятно, сложившиеся в семье твердый нравственный быт и уклад стали одной из причин того, что, окончив Сумское двухклассное училище, Иван Дуров так никогда и не расстался с родным домом и родным селом, дойдя до всего самообразованием.

Увлечшись краеведением, 16-летний Иван в газете «Архангельск» (1910 г., 30 декабря) публикует свою первую этнографическую статью. С 1911 года он — член поморского отдела Архангельского общества изучения Русского Севера, с 1923 г. — член Общества изучения Карелии, председатель правления Сумпосадского отделения. Одновременно он участник Соловецкого общества краеведения, где издается его первая крупная работа «Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья», параллельно работает над «Словарем живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении». Дуров — постоянный автор журналов «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера», «Известия Общества изучения Карелии». Особенно интересны

его «Очерки Кемского Поморья» и «Песни Кемского Поморья». Выделю оставленный в первый очерк рассказ женщины, являющийся собой бытовавшее в старообрядческой среде топонимическое предание о Полтамской корге (корга — небольшой островок, поросший растительностью. — Примеч. И.Д.). Оно содержит редкий мотив, не замеченный фольклористами.

«Давно это было. В досельное время однажды к этой корге, спасаясь от погонишки (шторм, морская буря. — И.Д.), пристал карбас с богобоязненным семейством — из мужа с женой и их большой дочерью — девочкой. Здесь они были поражены страшной находкой. На одном из выступов скалы покоилась, сидя на пряхке, красивая мертвая девушка, одетая в костьбу (вид русского сарафана, который носят здесь только староверки и их приверженцы. — И.Д.). Когда ее тело было предано земле, совершилось чудо, которое и упростило за этим островком его популярность. Больная девочка, которую родители нарочно везли в Кемь к одному известному в то время старичку-знахарю, сделалась совершенно здоровой. В ознаменование этого события на острове почитателями «Полтамской девы» была построена часовня, которая создала острову широкую известность среди староверов Поморья, и сюда долгое время щедро лились «добрых денег» приношения, пока эта часовня не была разрушена одним из пристапов...»

В очерках Дурова конца 1920-х — начала 1930-х годов — «Кустарное производство поморских рукодельниц», «Наважский промысел Поморья», «На пути» — фольклорно-этнографическую доминанту заменила производственная, а это уже симптомы тех известных процессов, что с конца 1920-х годов начали превращать краеведение в инструмент государственной политики.

После 1936 года имя Дурова исчезает из печати. Составленная Ю.А. Дмитриевым и изданная Карельским отделением общества «Мемориал» книга «Место расстрела — Сандармох» ставит последнюю точку в судьбе Дурова. Под заголовком «Сорокский район. Деревня Сумской Посад» в большом списке есть запись: «Дуров Иван Матвеевич расстрелян 3.04.1938. 1894 года, проживал по месту рождения, русский, счетовод школы. Реабилитирован Верховным судом КАССР 12.04.1988».

Мне представлялась возможность познакомиться с материалами уголовного дела И. М. Дурова в Карельском управлении ФСБ. В постановлении от 28 февраля 1938 года говорится, что Дуров «состоит участником контрреволюционной вредительской диверсионной организации и ведет в ней контрреволюционную деятельность». В деле

Анна Семеновна и Матвей Александрович Дуровы. 1917 г.

также распоряжение о необходимости «сохранить под стражей в Кемской тюрьме»; ордер №80 на обыск и арест; три протокола допросов обвиняемого И.М. Дурова от 4 и 8 марта 1938 года. Ни на одно из предъявленных обвинений Дуров не ответил опровержением, признав себя «участником контрреволюционной эсеровской организации». На вопрос: «Кто входил в контрреволюционную эсеровскую организацию?» назвал 17 человек, трое из которых уже были арестованы и приговорены, а остальные, как свидетельствуют пометы против фамилий, вообще нигде «не значатся» и вымышленны. На вопрос: «В чем выражалась контрреволюционная эсеровская подрывная работа?» он ответил: «Саботаж, вредительство советской власти... В 1934 поручил провести в Выгостровском колхозе вредительский опыт над овощами... было умышленно засеяно 400 кв. м гречей и фасолью, благодаря чему колхоз ничего не получил, кроме убытка». 22 марта последовало постановление тройки НКВД, вынесшее приговор о расстреле Дурова. Как теперь ясно, после вынесения приговора Дуров был этапирован к месту расстрела Сандармох вблизи города Медвежьегорска, где 3 апреля 1938 года Дуров был приведен в исполнение.

Впечатляющая собирательская, фольклорно-этнографическая деятельность И. М. Дурова. Это огромное количество записанных текстов разных жанров: причитаний, поморских песен, былин, духовных стихов, заговоров, частушек (многие записи сделаны вместе с женой Верой Петровной Дуровой), составляющих несколько больших коллекций научного архива. Собранный Дуровым материал оказался настолько ценным и значительным, что не просто привлек внимание ученых, но стал и еще станет достоянием академической науки.

Заговоры (а их 109) из архивных коллекций Дурова полностью вошли в подготовленный научным сотрудником КарНЦ

Иван Дуров.

Т. С. Курец и изданный в 2000 году сборник «Русские заговоры Карелии» — это не только собрание, но и анализ, и комментарии к каждому заговору. В сборнике подробно прокомментированы, а также и стили названы составителем «одна из лучших». Духовные стихи (36 текстов) исследуются в работах С. В. Федорова. Будут включены в готовящийся к изданию сборник. Но особенно значимым вклад Дурова в фольклористику и этнографию детства Поморья. Вполне очевидно, что Иван Матвеевич, ощутивший в 1930-е годы идеологический прессинг, видел в детях единственную возможность для своих занятий средой. Тогда он стал счетоводом школы и, по воле судьбы, одним из старожил (о нем и сейчас вспоминают в заведующей школой и в постарейшем музее Беломорска Т.И. Шейтлина, «часто ходил с ребятами по деревне, кожане. Несомненно (и об этом говорят материалы Дурова), ему была известна фольклорно-этнографическая деятельность его коллег, но Г. Шейтлина, его предшественника в изучении традиционной детской культуры Поморья в самом начале века.

Собрание детского фольклора обрело систематический характер. В коллекции 93 игры — уникальные материалы общерусских и общепоморских детских игр, дошедшие до нас в полном описании. Они отражают специфику локальной традиции — в названиях (например, «Хоронушко с чурканом», «Хоронушко с белебеньем»), лексике, нижнем регистре, особенностях бытования. Это ценнейший историко-этнографический, фольклорный и лингвистический материал для исследователей народной традиционной культуры в целом и культуры детства в частности.

Таковы жизнь, судьба и дела сумпосадского поджигателя, рыцаря культуры, ставшего жертвой беспощадного XX века. — Ивана Матвеевича Дурова.

Светлана Юрлова

Жена И. М. Дурова Вера Петровна.

Анна Семеновна с сыном